

УДК 340

ИНАКОМЫСЛИЕ В СССР ПОСЛЕСТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Раскрываются особенности становления в советском государстве диссидентского движения после смерти Сталина и формирования в его рамках такого явления, как «самиздат». Отмечается, что импульсом для развития в СССР инакомыслия стали решения XX съезда КПСС в 1956 г. и последовавший период хрущевской «оттепели». Часть советской интеллигенции ожидала более активных либеральных изменений, и прежде всего расширения демократических преобразований, и, не удовлетворившись изменениями, стала искать пути свободного обсуждения актуальных общественных проблем, перейдя в подполье и используя для распространения своих взглядов «самиздат», представлявшего собой совокупность нелегально издаваемых и распространяемых в стране печатных материалов.

Ключевые слова: инакомыслие, диссиденты, власть, самиздат, оттепель, государство, общество, репрессии.

DISSENT IN THE USSR POST-STALIN PERIOD

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Annotation: The features of the formation of the dissident movement in the Soviet state and the formation within its framework of such a phenomenon as "samizdat" are

revealed. It is noted that the decision of the 20th Congress of the CPSU in 1956 and the ensuing period of Khrushchev's "thaw" became the impetus for the development of dissent in the USSR. Part of the Soviet intelligentsia expected more active liberal changes, and above all the expansion of democratic reforms, and, not satisfied with the changes, began to look for ways to freely discuss topical social problems, going underground and using "samizdat" to spread their views, which was a combination of illegally published and printed materials distributed in the country.

Keywords: dissent, dissidents, power, samizdat, thaw, state, society, repression.

Наибольшее развитие так называемое диссидентство в СССР наблюдалось в 1960-х – первой половине 1970-х гг. Касаясь истории этого явления, следует заметить, что после 1917 г. (до середины 1920 гг.) имевшие место дискуссии по разным аспектам дальнейшего развития советского общества (в средствах массовой информации, включая центральные газеты, на партийных форумах, заседаниях Советов разных уровнях) в сравнительно короткий срок были прекращены и остался один политико-идеологический подход к пониманию стратегического курса как правящей ВКП(б), так и, соответственно, всех органов публичной власти, что находило отражение в конституционных нормах. При этом важно заметить, что как таковой оппозиции в советском государстве не было с самого начала существования советской власти, и указанные выше дискуссии велись, по сути, между сторонниками одного подхода – большевистского. О возможности реставрации капиталистического строя не было даже и речи, поскольку сам большевизм позиционировал себя как политическое движение, направленное на полное уничтожение капиталистического строя. Поэтому дискутировали между собой, по сути, сторонники одной и той же коммунистической идеи, которые в революционные дни были союзниками, но позже стали расходиться по тактическим вопросам.

В итоге Сталин и его сторонники взяли верх (прежде всего с точки зрения поддержки на партийных съездах) над своими союзниками-оппонентами

Троцким, Зиновьевым, Рыковым и т.д. Но назвать последних инакомыслящими в современном понимании инакомыслия, на наш взгляд, нет оснований, поскольку, по большому счету, было не противостояние разных идей, мировоззрений, а банальная борьба за свое верховенство во властных структурах.

Побежденные в этом противостоянии в дальнейшем были признаны «классовыми врагами» большевиками-победителями, многие были осуждены, в том числе к смертной казни. Затем была установлена жесткая политико-идеологическая цензура, и почти три десятилетия, ни о каком инакомыслии не могло быть и речи. Ситуация стала меняться после смерти Сталина, и в этом смысле точкой отсчета хрущевской политической «оттепели» считается известный XX съезд КПСС, где по окончании этого форума на закрытом заседании прозвучал известный доклад Хрущева с критикой культа личности (но без упоминания фамилии Сталина). И вот тогда, несколько позже (рубеж 1960 г.), стали появляться инакомыслящие, которые критиковали отдельные стороны советской государственности, некоторые из них, проявлявшие активно свою позицию, стали именоваться диссидентами.

При этом диссидентское движение по-прежнему являлось нелегальным. Однако отношение к ним со стороны советской власти уже не было столь жестким и даже жестоким, как в годы сталинского правления (диссидентов уже не называли «классовыми врагами», «врагами народа», не приговаривали к смертной казни). В новом УК РСФСР 1960 г. [1] за антисоветскую пропаганду (ст. 70), а именно за это чаще всего осуждались диссиденты с точки зрения уголовно-правового воздействия, предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет или ссылкой до пяти лет, а при отягчающих обстоятельствах (совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время) – лишение свободы на срок до десяти лет. Но чаще применялись более мягкие, административные меры.

Содержание и формы деятельности диссидентов определялись основными целями, которые они ставили перед собой, среди них ведущая цель заключалась в том, чтобы доносить до общественности свои воззрения, отличавшиеся от официальной пропаганды; кроме того, важное место отводилось защите политических прав других диссидентов, подвергавшихся репрессиям. В этом контексте важная роль у диссидентов отводилась нелегально издаваемой литературе. Достаточно широкую известность в этом отношении получил так называемый «самиздат» как подпольная издательская деятельность диссидентов, где публиковались работы инакомыслящих.

«Самиздат» представлял собой несколько издаваемых подпольно, то есть, незаконно, журналов, бюллетеней, перепечатку рукописей инакомыслящих, и их также подпольное распространение. При этом с начала 1960-х гг. диссиденты уже могли издавать свои работы в некоторых русскоязычных изданиях, выпускаемых русскими эмигрантами. Однако зарубежные запрещенные журналы (такие, как «Посев», «Грани» и др.) и отдельные книги в СССР провозились в ограниченных экземплярах. Между тем в самом советском государстве потребность в изданиях, где можно было свободно высказаться, логически вытекала из самой начавшейся в СССР «оттепели». Но степень «оттепели», то есть, степень допускаемой политико-идеологической свободы, по-прежнему внимательно дозировалась советской властью, что исключало выпуск неподконтрольных властям печатных изданий.

Тем не менее имевшееся в советском обществе стремление к свободе творчества искало пути реализации такой свободы. В данном случае это стремление исходило из литературных кругов, увлекавшихся вопросами в политико-идеологической сфере, и оно было достаточно сильным, во всяком случае, таким, что вопреки запретам нелегальные издания стали фактом советской действительности. Упомянутый «самиздат» стал формироваться с конца 1950-х гг. Так, в июне 1958 г. в Москве на открытии памятника Маяковскому после официальной церемонии стали читать стихи желающие из пришедших на это

событие, и там поэты решили собираться в этом же месте и в дальнейшем, причем большинство участников были студенты. На этих поэтических собраниях читали не только собственные стихи, но и стихи забытых и репрессированных поэтов, а также обсуждали литературные дела. Власти, конечно, знали об этих собраниях, но не считали это серьезным явлением, и даже в «Московском комсомольце» появилась публикация позитивного характера об этих встречах (19 числа каждого месяца в 19 часов у памятника Маяковскому) [2].

Однако довольно на таких поэтических встречах стали звучать тревожные для власти мысли инакомыслящей направленности, и они были прикрыты. Но в сентябре 1960 г. такие встречи были возобновлены – в субботы и воскресенья. Как писал тогда еще молодой, но позже ставший известным диссидент В.К. Буковский, собиралось по несколько сот человек. Некоторых участников таких встреч действительно интересовало лишь искусство, и они считали, что искусство должно быть «чистым от политики», но для многих такие встречи интересовали прежде всего общественным звучанием в отношении имевшихся в государстве проблем, и в этом смысле обсуждались различные общественные проблемы, которые не находили отражения в официальной печати. Власти стали мешать проведению таких встреч, в частности, дружинники задерживали чтецов, сообщали по месту учебы и работы об их неблагоприятных поступках. Жестких репрессий тогда не было – обычно ограничивались исключением из вуза. Но скоро ситуация стала меняться. Периодически проводились обыски у активистов чтений, иногда памятник оцепляли и не подпускали к нему в обычное для встреч время. В 1961 г., накануне XXII съезда КПСС, встречи стали запрещенными, несколько активистов арестовали, а В. Осипов, Э. Кузнецов и И. Бокштейн были осуждены по ст. 70 уголовного кодекса [3, с. 118].

Тем не менее в середине 1960-х гг. зародилось первое неофициальное литературное объединение, отражавшее все ее достоинства и недостатки. Эта литературная группа назвала себя «СМОГ», что расшифровывалось двояко:

«Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или (чаще) «Самое Молодое Общество Гениев». В феврале 1966 г. смогисты выступили с манифестом, где, в частности, указывалась: «Мы, поэты и художники, писатели и скульпторы, возрождаем и продолжаем традиции нашего бессмертного искусства ... Сейчас мы отчаянно боремся против всех: от комсомола до обывателей, от чекистов до мещан, от бездарности до невежества - все против нас» [4, с. 15]. Известная диссидентка правозащитница Л. Алексеева отмечала неосознанный политический протест таких молодых людей против системы с ее «банальностью и заданностью». Однако, при жгучей потребности сказать что-то свое, смогисты были неопытны, и лишь немногие обладали талантом, они проявляли склонность к эпатажу, например, в апреле 1965 г. они устроили демонстрацию у Дома литераторов, - вероятно, первую неофициальную демонстрацию в советском «послеоттпелевском» советском государстве, в рамках которой несли лозунги с требованием творческих свобод. Смогисты издавали самиздатский журнал «Сфинксы», распространявшийся преимущественно среди студентов; выпустили тем же способом несколько сборников рассказов и стихов [5, с. 52].

Позже стали появляться и другие самиздатские журналы, однако они прекращались на втором-третьем выпусках и редко выходили из круга знакомых автора. Наиболее известными из таких журналов стал «Синтаксис», три выпуска которого издал в 1960 г. Александр Гинзбург, тогда студент заочной формы обучения МГУ. Из воспоминаний диссидентов А. Левитина-Краснова, А. Амальрика, В. Буковского, П. Григоренко следует, что именно тогда начался реальный опыт диссидентского самиздата. И довольно быстро «самиздат» из первоначальной литературной направленности (в духе авангардизма и других течений первой половины 1920-х гг.) стал политизироваться.

В частности, Р. Медведев с 1964 г. по 1970 г. ежемесячно издавал материалы, позже вышедшие на Западе под названием «Политический дневник» [6]. В первые выпуски «Политического дневника» вошли материалы о смещении Хрущева и о попытках нового руководства реабилитировать Сталина. Матери-

алы для «Политического дневника» Р. Медведев получал прежде всего от своих знакомых, в их числе от партийных работников – они же были и читателями его «Дневника» - наряду с писателями и учеными, которые, опять же, в большинстве своем были членами КПСС. Выпуски «Политического дневника» Медведев печатал сам в пяти экземплярах, однако наиболее интересные документы и выступления распространялись гораздо шире [5, с. 54].

Такому положению некоторым образом способствовала и половинчатость позиции советской власти о разоблачении культа личности Сталина – с одной стороны, культ личности подвергался критике, а с другой стороны свободы слова в СССР больше не становилось. Такой подход не устраивал многих, и прежде всего диссидентов, надеявшихся на продолжении политики XX съезда КПСС, в особенности. Не случайно в те годы нередкими были даже открытые выступления с критикой такой позиции и требованиями реформ системы, которые сделали бы невозможным новый «культ личности», причем чаще всего такие требования исходили от членов партии [7, с. 73] (например, выступления П. Григоренко - начальника кафедрыв Академии Генштаба в Москве на районной партконференции в сентябре 1961 г., писателя В. Овечкина в Курске в том же 1961 г.). Их выступления печатались путем «самиздата» и распространялись диссидентами. Оба поплатились партбилетами и карьерой.

После проведенных арестов и судебных процессов диссиденты к середине 1960-х гг. практически потеряли возможность высказываться на легальных собраниях (партийных, профсоюзных, научных и т.д.), поскольку основной круг инакомыслящих был определен, кроме того, имели превентивное значение и репрессивные меры, которые останавливали сочувствующих диссидентам, и это несмотря на то, что сформировавшееся в середине 1960-х гг. «правозащитное движение заявляло, будет действовать легально на основе закрепленных в Конституции СССР прав человека» [8, с. 114]. В связи с арестами диссидентов получил распространение такой метод деятельности диссидентов, как обращения (заявления, петиции), обращенные как к общественности, так и

в официальные партийно-государственные структуры [9 с. 102]. Такие обращения также публиковались через «самиздат». Так, А. Амальрик проанализировал социальный состав подписантов в знак протеста против суда над Гинзбургом и другими диссидентами в 1968 г. и выявил, что среди подписантов преобладали люди интеллектуальной деятельности: учены было 45%, деятелей искусств - 22%, учителей, врачей, юристов - 9%. Заметную часть «подписантов» на этот раз дала техническая интеллигенция (13%); рабочих оказалось даже больше, чем студентов (6% и 5% соответственно) [10, с. 12]. Этот анализ показывал, что в советском обществе было немало проблем, которые требовали открытого общественного обсуждения, чего власти не делали, и речь шла прежде всего о расширении демократических свобод, закрепленных в конституционных нормах.

Во второй половине 1960-х гг. возникла потребность более тесного взаимодействия диссидентов с кругами, поддерживающих их за рубежом. Первым постоянным «связным» с Западом был упомянутый А. Амальрик. В 1966-1969 гг. он оставался практически единственным таким «специалистом» среди правозащитников. Через него уходили и возвращались документы правозащитного движения - такие, как записи судебных процессов, а также художественный самиздат и публицистика [10, с. 66]. Вершиной своей деятельности «офицера связи» Амальрик считает передачу на Запад статьи А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.). До 1972 г. через «самиздат» прошли многие произведения инакомыслящих рассматриваемого периода: «Мои показания» (А. Марченко), «Все течет...» (В. Гроссман), «Москва - Петушки» (В. Ерофеева), «Раковый корпус», «В круге первом» (А. Солженицын), «Семь дней творения» (В. Максимов), стихи И. Бродского, Н. Горбаневской, Н. Коржавина и др. Спрос на произведения «самиздата» был высок. Многие из них, появившись в «самиздате», издавались затем за границей и затем, изданные полиграфическим способом, поступали разными путями на территорию СССР и там распространялись [9, с. 106].

С приходом Ю.В. Андропова к руководству КГБ СССР в 1967 г. ситуация с диссидентством стала меняться - постепенно в течение нескольких лет оно было сведено практически к нулю. По инициативе Андропова для противодействия диссидентству (инакомыслию) было создано специальное Пятое управление. Методы борьбы с подпольной идейной оппозицией становились гибче (учитывая негативную реакцию в международном контексте), более разносторонними и, что очень важно, более настойчивыми и системными – с судебные преследования чаще заменялись увольнением с работы, исключением из вузов, лишением прописки в крупных городах. Одних диссидентов стали лишать возможности выезда за рубеж, других, наиболее активных, лишали советского гражданства и высылали из СССР [11, с. 143] (характерными являлись высылка А.И. Солженицына в 1974 г., ссылка А.Д. Сахарова в г. Горький в 1980г.). Соответственно и «самиздат» к рубежу 1980 г. практически перестал существовать. Однако буквально через несколько лет в рамках горбачевской «перестройки» была провозглашена гласность, а затем в 1991 г. распался СССР, в России перестала существовать цензура, и «самиздат» как явление ушло в историю.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс РСФСР (утв. Постановлением Верховным Советом РСФСР от 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
2. В гости к Маяковскому // Московский комсомолец. 1958. 13 августа.
3. Буковский В. К. И возвращается ветер... Нью-Йорк: Хроника, 1978. 384с.
4. Грани / Под ред. Н. Тарасовой. Франкфурт-на-Майне, 1966. № 61.
5. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вермонт, 1984. 427 с.
6. Политический дневник / Под ред. Р. и Ж. Медведевых. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1972. Т. 1. 864 с.

7. Орлов Ю. Автобиографическая заметка // Хроника защиты прав в СССР / Под ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк: Хроника. 1977. Вып. 25. С. 72-75.
8. Казьмин В.Н., Казьмина М.В. Инакомыслие в советском обществе: этапы становления и развития (середина 1950-х-начало 1990-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 112-119.
9. Оришич Е.Г. Диссидентство как политическая форма протестного движения в СССР и особенности привлечения инакомыслящих к юридической ответственности (середина 1960-х – середина 1980-х гг.): историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 215 с.
10. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам: Фонд им. Герцена, 1970. 71 с.
11. Лушин А.И. Советское государство середины 1960-1970-х гг. И становление системы борьбы с оппозицией // Управленческое консультирование. 2014. № 3. С. 140-145.

Оригинальность 82%